

Аркадий Рыбак

Аккерманский мальчик

Нынешним летом легендарному одесскому фотожурналисту Михаилу Рыбаку исполнилось бы 90 лет. Члены редколлегии альманаха, многие наши авторы дружили с ним, знали и знают его публикации. Сын Михаила Борисовича Аркадий, редактор газеты «Порто-франко», написал книгу об отце, одну из глав из которой мы публикуем.

Ф. К.

После смерти отца разбирал многочисленные папки с черными белыми фотографиями и набросками текстов. Наткнулся на страничку, где было напечатано только: «Аккерманский мальчик. Не придуманная повесть. 30-50-е». И все. Отец говорил мне о том, что хотел бы написать о своей жизни. Но, очевидно, не смог. Не успел. И я подумал: а не попробовать ли сделать это мне?

1

...Сквозь сон я слышал тихий шелест. Казалось, что в осеннем парке опадает разноцветная листва, и ты поддеваешь ногами шуршащие кучки. Они чуть приподнимаются над землей и снова ложатся красочным ковром. Так бывает в конце октября или теплым ноябрем.

Я приоткрыл один глаз и увидел на подоконнике горку снега. Какие там опавшие листья среди зимы? Глянул в узкий проем между балконной дверью и моим разложенным на ночь креслом-кроватью. Там друг на дружке лежали чуть съезжившиеся листья. Ну конечно! Как я мог забыть? Это же фотографии, которые папа печатал вчера до поздней ночи в общей ванной комнате нашей коммунальной квартиры.

Даже не знаю, с чего начать. С этой квартиры или с фотографий? Квартира-то появилась раньше. С нее и начну. Во-первых, я здесь родился. На тот момент это было мое первое и единственное жилище. Мне очень нравилась наша светлая комната с окном и балконом, выходящими во дворик дома на самом углу улиц Ольгиевской (тогда ее именовали Академика Павлова) и Пастера. Прямо напротив медицинского института. Между прочим, после Второй мировой при медицине функционировал родильный дом, где я появился на свет. Очень удобно. Все рядом.

Наш двор был, по сути, общим для нескольких небольших домов. Они плотно примыкали друг к другу, образуя замкнутое пространство. Через кованые железные ворота был вход с Ольгиевской. Наш дом имел торжественный парадный подъезд с Пастера. Но почему-то он вечно был заперт, и все ходили через двор. Дома справа и слева от нашего имели традиционные для Одессы длинные галереи и скрипучие лестницы, по которым мы гоняли, играя в казаков-разбойников. Посреди двора находил-

ся старинный кран, откуда набирали воду для стирки и уборки, и неказистое приземистое сооружение без окон. Оно примостилось у глухой тыльной стены другого, некогда доходного дома и было разделено на узкие кельи, служившие жильцам сараями. Там хранили дрова и уголь, ибо повсюду еще топили печи.

В нашей 15-метровой комнатке старинная печь, выложенная матово-блестящим кафелем, была украшением интерьера. Топка выходила в коридор, и потому чистоту жилища ничто не омрачало. Вот только представить себе, как вся мебель и люди помещались на этом пятачке, мне сегодня сложно. Родители вспоминали, что они въехали в эти хоромы почти без ничего. У папы из шикарного гардероба был только парадный мундир и купленный у складского старшины перед демобилизацией кожаный реглан на меху. Мама почти все шила себе сама. По картинкам из журналов и выкройкам, которые крепились на вставках. Вся эта красота легко умещалась на вбитых в стену гвоздях. Но в моей памяти все было покруче. Для себя родители приобрели диван-кровать, для меня – кресло-кровать. Все это раскладывалось на ночь, перекрывая свободные зоны. Приходилось даже обеденный стол (тоже, кстати, раскладной) двигать вплотную к шкафу. Были еще у нас шкаф книжный и даже небольшой письменный стол. В самом углу у двери стоял тяжеленный холодильник с железной ручкой. Над ним – крючки для верхней одежды и выключатели, которыми можно было включать свет на кухне, в коридоре и туалете. Напомню, что в коммуне у каждого были свои лампочки в местах общего пользования, а значит, свои выключатели. Чтобы соседи не палили ваш свет, выключатели выводили в жилые комнаты.

Коммуна у нас была небольшая и относительно спокойная. Две комнаты слева от входной двери занимало одно семейство, две самые просторные – другое. Их окна и балконы выходили на фасад, и соседи могли наблюдать за стайками студентов-медиков и за каретами скорой помощи, весь день метавшимися на свою базу в Валиховском переулке, а оттуда по всему городу. В самых просторных комнатах жили Аркадий Яковлевич с Люсей Яковлевной, в тех, что поменьше, – Сара Яковлевна с Саулом Борисовичем. В раннем детстве меня очень удивляло, почему все Яковлевичи, а этот самый Саул – нет. Никакие объяснения принять не мог. Впрочем, все они были довольно милыми людьми. Но главное, что у них были

внуки моего возраста. Майя вообще оказалась на несколько дней старше меня, а рыжий Гарик с немислимой гривой кудрявых волос был несколькими месяцами младше. Мы часто играли вместе. В основном на их территории. У нас в комнате мы разве что сражались в настольные игры, помещавшиеся на табурете.

О том, что некогда вся квартира принадлежала морскому капитану Аркадию Озерянскому, я узнал, когда стал постарше. Но в послевоенной Одессе жилья не хватало, и власти вынуждали потесниться даже очень уважаемых людей. Так у Аркадия Яковлевича остались только две из пяти комнат и удовольствие иметь соседей. Отцу дали комнату в середине 1954 года, за несколько месяцев до моего рождения. Он тогда только демобилизовался из армии и имел какие-то приоритетные права. Дело в том, что, приехав в Одессу с женой, молодой офицер вынужден был ютиться с ее семьей в одной большой комнате на той же улице Пастера. На тот момент там жила моя бабушка и трое ее взрослых детей. К тому же, мамина сестра успела выйти замуж и родить сына. Можете себе представить это общежитие?

Комната в коммуне показалась просто райским уголком. Да и все мы в ту пору особыми комплексами не страдали. Но о своем детстве, возможно, расскажу в другой раз. Сейчас пришло время вернуться в морозную ночь конца 50-х. И так, между моей постелью и дверью балкона горка чуть покореженных фотографий. Почему они там и как оказались? Понятно, что отпечатал их отец. Он увлекся этим делом совсем недавно. После дембеля его охотно взяли преподавателем военного дела, и он вел уроки в нескольких школах в центре города. Одновременно устроился на станцию юных натуралистов, которая находилась в глубине двора рядом с ювелирной фабрикой. Там отец вел краеведческий кружок и часто ходил с подростками в походы по городу и окрестностям. Тогда и начал фотографировать, чтобы оформить стенды и альбомы. Именно тогда он обзавелся первыми собственными фотографическими принадлежностями. Кроме аппарата ФЭД это были еще фотоувеличитель и бачки из прочного черного пластика, в которых разводили проявитель и фиксаж. Каждый фотолюбитель весь процесс проявки пленки и печати фотографий производил самостоятельно. Это занимало много времени. Проблемой было и отсутствие места. Отец сумел убедить соседей хотя бы час-полтора поздним вечером не поль-

зоваться ванной комнатой. Там он устанавливал на толстой доске свой допотопный увеличитель, расставлял посудины с химрастворами, подвешивал красный фонарь и начинал колдовать.

Я любил наблюдать за процессом, а при случае и помочь. Мне нравилось видеть, как на чистом листе бумаги постепенно вырисовывались контуры фигур и зданий, возникали глаза и лица незнакомых мне людей.

Вы наверняка знаете, что печать и проявка фотографий – дело мокрое. При нынешней автоматической печати сушка тоже происходит в автоматическом режиме. Раньше это был отдельный процесс. Имелись такие приспособления – глянцеватели, на блестящие металлические пластины которых специальными резиновыми валиками накатывали фотобумагу, отжимая по ходу дела максимум воды. Прибор включали в розетку. Бумага подсыхала и отлипала от пластины с легким потрескиванием. Дальше вы накатывали следующий лист... Но для всего этого тоже нужны были специальное место плюс сам прибор да и время. Словом, за неимением всего этого отец в ту пору накатывал отпечатанные снимки на обычное оконное стекло. Высыхание длилось дольше, но к утру все уже само лежало

у ваших ног. Оставалось собрать и бережно выровнять отпечатки. Мы с отцом использовали для этого край обеденного стола.

Такая технология применялась у нас дома до того момента, пока отцу не предложили репортерскую работу и не предоставили небольшую служебную комнатку под лабораторию.

Тогда папе исполнилось 30 лет. Все было впереди. Но за плечами остались три непростых десятилетия, о которых стоит рассказать подробнее.

2

Передо мной фотография 1929 года, сделанная в фотоателье Аккермана. На ней мой прадед с прабабушкой и четверо их детей. Самый старший из них – мой дед Беня, который вот-вот женится и станет жить самостоятельно со своей Блюмой. В июле 1930 года у них родится сын, мой отец, которого они в детстве ласково называли Мусей и по привычке продолжали так называть, даже когда к ним приезжал я, их внук. Дед Бенцион был человеком строгим и веселым одновременно. При этом очень деятельным и отчаянным. В отличие от глубоко верующего отца, Беня общался с богом довольно формально. Какие-то традиции и обряды соблюдал, но в целом жил жизнью свободной. Насколько это было возможно в то время.

Беня родился в самом начале XX века в бессарабских землях тогдашней Российской империи. Для людей его происхождения обозначили так называемую черту оседлости. Пока в Аккермане постоянно находился Лифляндский пехотный полк, в округе царило относительное спокойствие. Но пехотинцев отправили на русско-японскую войну, и повсюду активизировались черносотенцы. Старожилы вспоминали, что и в маленьком Аккермане началась смута, и в 1905-м произошел кровавый еврейский погром. Беня подробностей почти не помнил, ибо был слишком мал. Припоминал только, что прятался с родителями в глубоком старом винном погребе где-то в районе базара. Лучше запомнились события революции 1917 года, когда город пестрел красными флагами, бурлил митингами. Длилось это недолго. Уже в начале следующего года Бессара-

бию прибрали к рукам румыны, и первое время многим было вообще непонятно, что делать дальше.

Бенциона через несколько лет призвали в армию. Разумеется, в румынскую. Слава богу, воевать ни с кем не пришлось. Смысленный солдат обучился стрелять из винтовки, побыл ездовым, ловко управляясь с лошадьми. В обиду себя не давал. Домой приехал возмужавшим и жаждущим новых приключений. О службе говорить не любил. То есть ни хорошо, ни плохо. Армия есть армия. Что от нее особого ждать? Отец Бени вел небольшую коммерцию, получал товары из самого Бухареста, а то и из Парижа. Бенцион взялся не просто помогать. Он стал коммивояжером. Разъезжал по окрестным городкам и селениям на бричке, возил с собой образцы товара. Вскоре его уже повсюду знали, встречали как доброго знакомого. Бенья сиживал со своими покупателями за обедом. Пропускал по стаканчику вина, которое в тех краях люди чуть ли не в каждом доме делали для себя и друзей. Иной раз засиживался за картами. Играли в реми на мелкие деньги. Он знал толк в игре. Часто вместе с выручкой за товар увозил еще и скромный выигрыш.

За этого работающего, общительного и азартного парня вышла замуж моя бабушка Блюма. Спокойная до флегматизма и уж точно не азартная. Но так судьба часто парует людей. Мой отец характером пошел в деда. Непоседливый, пытливый, по-своему азартный и при этом сохранивший почти детскую наивность до конца своих дней.

Две Бенины сестры и брат были намного моложе его. Муся был единственным племянником на всю троицу. Они любили его и иногда баловали. Покупали ему леденцы и конфеты, водили гулять в парк и брали иногда с собой в кино. Когда мальчик пошел в школу, вся семья была уверена, что он будет среди лучших учеников.

У Миши было много друзей. Они ходили друг к другу в гости, гуляли по тенистым улочкам древнего городка, купались в лимане и при любой возможности лазили на стены и башни крепости. Мальчишки обожали это место с его загадочной историей и множеством укромных уголков, где можно было прятаться от посторонних глаз. Со стен крепости в ясную погоду был виден другой берег лимана, на котором – другая страна. Все знали, что на дальних холмах – Овидиополь, а за ним и огромная Одесса. Многие из взрослых бывали там до революции и рассказывали, какой это

роскошный город. Правда, сейчас там красные. Но разве могли они испортить место?

У красных в Аккермане были единомышленники. Больше того, доходили слухи о том, что молодые люди совершали попытки перебраться на советский берег. Некоторых ловили, по другим стреляли пограничники, но были случаи, когда парням удавалось переплыть лиман. От чего бежали? В Румынии тогда установилась диктатура при живом короле. Казни стали обычным делом. Для устрашения населения по городам разъезжали машины с установленными на них виселицами и болтавшимися в петлях казненными. Набирала силу «Железная гвардия» – румынская политическая партия, спекулировавшая на религиозном фанатизме с фашистским уклоном. Ее члены называли себя легионерами и постоянно провоцировали стычки в крупных городах. Они не скрывали своих связей с немецкими нацистами и были настроены на погромы. Приверженцы «Железной гвардии» появлялись в ту пору и в небольших городах. Интернациональный Аккерман не обошла эта напасть.

В древности кто только не владел здешними землями! Так вышло, что после распада армянского государства с Кавказа на Днестровский лиман переселилась большая община из города Ани. Было это почти тысячу лет назад, но к началу XIX века армяне в Аккермане были большинство (почти сорок процентов населения). Много было греков и болгар, бежавших от турок. Жили тут издавна украинцы, евреи, молдаване, поляки, цыгане. И в школе почти все ученики по привычке общались между собой на русском, хотя дома большинство разговаривало на родных языках. В конце 30-х правила ужесточили. Мальчишек заставляли говорить только на румынском. На уроках и на переменах. За нарушение правил карали.

Впрочем, учителя были разные. Коренные аккерманцы относились к языковой повинности с прохладцей и детей не наказывали. За всех свирепствовал преподаватель румынского Ион Батэу. Здоровенный детина с пудовыми кулаками только и ждал повода устроить скандал. Даже не ждал, а сам выискивал повод. Однажды на уроке вызвал к доске Мишиных одноклассников Яцека и Ашота. Сначала долго орал на них, потом взял со стола толстую деревянную метровую линейку, какими в лавках отмеряют сукно, и стал лупить мальчишек по рукам. Те корчились от боли и разревелись. Батэу

не унимался. Для Миши он придумал другое наказание: закрыл его после уроков в огромном стеклянном шкафу вместе со скелетом. Когда сын вовремя не вернулся из школы, мама спросила у соседских ребят, не знают ли, где он. Яцек сказал, что Мишу оставили в школе. Батэу на перемене подкрался к беспечно болтавшим мальчуганам и не услышал румынской речи. В его воспаленном мозгу возник план наказания. Вызволить Мишу из шкафа удалось поздно вечером, когда разыскали ключи от импровизированного карцера.

«Скула примаре» находилась в самом центре города в просторном здании, окруженном опрятной территорией с цветником и раскидистыми деревьями. Миша любил этот уголок Аккермана. Ему нравилось учиться. У него были друзья. Может быть, поэтому выходки учителя-фашиста старался поскорее забыть. Заканчивался третий класс. Впереди было лето. Походы на лиман и в крепость, игры на пустырях, лазание по деревьям и сочные фрукты. Кто ж знал, что тем летом все они окажутся в другой стране?

3

В доме Мишиного деда на улице Измаильской часто собирались бородатые мужчины в сюртуках и широкополых шляпах. Приходили за советом и просто поговорить за жизнь. Дед считался не только знатоком священных текстов, но и мудрым человеком. Тем летом тихий прилиманский городок гудел, как улей, и шуршал слухами. Еще прошлой осенью в Европе снова начали воевать. Из польских местечек на восток просачивались группки беженцев. Они рассказывали страшное. Кто-то им верил, кто-то нет. Но всем было понятно, что с насиженных мест просто так люди не бегут. Оставляли на произвол судьбы дома и неподъемное имущество. Румыны еврейских беженцев старались не пускать. Румыны дружили с немцами. Но и Советы вроде бы тоже с немцами дружили. Все это с трудом укладывалось в головах обывателей Аккермана. И разговоры о том, что Бессарабию вот-вот снова заберут русские, вводили всех в замешательство. Тут и румын, присвоивших себе не так давно эти земли, мало кто любил, а о Советах вообще толком не знали. Мишин дед эту проблему для себя решил так: лучше красные, чем откровенные нацисты. Такой поворот мыслей семейного патриарха предопределил дальнейший ход событий.

В июне сорокового пошел гулять слух, что, мол, Советы дали румынам трое суток на то, чтобы убраться из Бессарабии. Слух слухом, а на деле жители городка наблюдали ускоренные сборы расквартированных здесь военных и тихое их исчезновение. Без любимых ими бравурных маршей и строевых песен. Некоторые офицеры под шумок смылись, не заплатив квартирным хозяйкам за постой. Вслед за военными сорвались с мест здешние чинуши и те, кто посчитал, что в Румынии им будет лучше. То были очень разные люди. От владельцев магазинов до обычных работяг. На принятие решения действительно оставались считанные дни. Семейство Рыбаков никуда бежать не собиралось...

...Некоторые особо разъяренные румынские офицеры и железнодорожники, заскакивая в последний вагон, успевали проорать: «Мы еще вернемся!» (и, кстати, не соврали).

...Отрезок пути на въезде в Аккерман, по которому в город входили советские войска, позже назвали улицей 28 Июня. Румын здесь уже не было. Колонна техники с красными звездами неторопливо двигалась со стороны сел Салганы и Шабо к самому центру. Без преувеличения весь город высыпал смотреть на это зрелище. Светило солнце. Цвели сады. Кое-кто из питавших большие симпатии к красным успел вывесить над своими домами алые стяги. Они трепетали на легком ветру над головами зрителей на Софиевской и Георгиевской, на Староармянской и Мещанской улицах, на Шабской и на Будацкой дорогах. Молодые парни в военной форме радостно улыбались и махали руками. В них не стреляли. Их приветствовали по-русски. В тот миг всем казалось, что все это очень хорошо и надолго.

Миша весь день носился по городу с друзьями. Мальчишек охватило то самое тотальное возбуждение, которое накрыло город. Будущие четвероклассники проводили колонну машин до центрального бульвара Регеле Кароля II, который при Советах будет носить имя Ленина, и с чувством исполненного долга решили, что пора бы уже бежать на лиман купаться. Так и сделали.

В июле того бурного года Миша отпраздновал свой первый юбилей. В их доме собралась вся семья: дед с бабушкой, родители, мамыны сестры – совсем молоденькая Шлима и Поля с мужем да с сынишкой Петей, который должен был осенью пойти в первый

класс. Самый младший брат Бени был всего на десять лет старше Миши. С этим юным дядей Миша часто проводил время. Яша был парень спокойный, очень любил всю свою родню и готов был помочь в любую минуту. Силы он был удивительной. Миша видел, как Яша помогал разгружать товар на отцовском складе. Пятипудовые мешки вмиг взлетали к нему на плечо и, покачиваясь в такт его походке, плыли в нужном направлении. И так – часами, без видимой усталости. Яша в тот день принес в подарок игрушку. Всегда серьезная и задумчивая тетя Эстер одарила книжкой с картинками, а хохотушка тетя Суя прибыла на праздник с кавалером. С зятючим в португепу капитаном Бухнером она познакомилась совсем недавно и на семейном торжестве решила познакомить родню с будущим мужем. Они действительно вскоре поженились. Капитан был откомандирован вглубь необъятной России, куда взял жену. Важная деталь семейной хроники, о которой я еще упомяну.

Итак, 21 июля 1940 года. Отмечают Мишин день рождения. Говорят приятные слова, как водится, желают много хорошего имениннику и всем его близким, дарят подарки, немножко пьют за здоровье и счастье, за божье благословение и за мир. Дед торжественно вынимает из маленького кармашка золотую монету царских времен и серебряную румынской чеканки.

– Это тебе на почин, – говорит дед, – остальное соберешь сам!

Миша смущенно принимает кругляши, целует деда. Его обнимают любвеобильные тети. И никто из членов этой большой семьи, сидящей за праздничным столом, не мог предположить, что таким составом они не соберутся уже никогда в жизни...

4

Советы, конечно, планировали возврат Бессарабии, но на разработку деталей явно не хватило времени. Военный гарнизон разместился в Аккермане прочно. А вот с гражданскими властями случилась легкая неразбериха. 7 августа была образована Аккерманская область в составе Украинской ССР, но уже через четыре месяца центром области стал Измаил. Всю Бессарабию разбили на несколько районов. Каким-то удивительным образом старинный город, только что

бывший областным центром, вдруг был перемещен в подчинение... соседнего села Шабо. На самом деле на жизни обывателей отразились не эти организационные выкрутасы, а быстрая смена привычных правил. Вчерашняя частная собственность вдруг стала общей. Вчерашние владельцы магазинов, лавок, ресторанов, винных погребков и складов могли теперь надеяться разве что на работу по найму в своих собственных заведениях. Некоторые оказывались и вовсе с пустыми руками. Такое нравилось не всем. Впрочем, бороться с красными никто не рвался. Между собой аккерманцы продолжали обсуждать, стоило ли оставаться, или нужно было драпать вместе с румынами. Мишин дед стойчески перенес национализацию его магазина вместе с закупленным на солидные суммы товаром. Семье позволили продолжать работать на привычном месте, спустили штатное расписание и назначили каждому некую зарплату. Довольно смешную для коммерсантов, привыкших вести дела на свое усмотрение. Ясно, что о закупке товаров во всяких там Парижах и Бухарестах речь уже не шла. Впрочем, и в Париже уже тоже были немцы...

Сборища в доме деда стали ежевечерними, многолюдными и очень шумными. По мере того как фашисты подминали под себя Европу и даже бомбили острова за Ла-Маншем, возникало все больше вопросов. О том, что Гитлер объявил желание полностью уничтожить европейское еврейство, знали уже давно. Аккерманские мудрецы пришли к выводу, что их семьи могут спастись только на просторах Страны Советов или где-то очень далеко за океаном. Но туда попасть шансов не было. Оставались Советы. Среди аккерманцев было немало людей, успевших повоевать в рядах русской армии в годы Первой мировой. Многие относительно молодые мужчины прошли службу в армии румынской. Все понимали, что столкновение с немцами неизбежно, и большинство было готово воевать с ними.

...Провокации на границе бывали и раньше. Но когда из черных тарелок репродукторов, развешанных на высоких столбах, вылетели скрипучие слова, и вещи были названы своими именами, людей охватила паника. Знали, что зло неизбежно, но не хотели верить, что оно уже пришло. Снова были каникулы. Опять июнь. Миша с отцом и дедом были в тот момент на базаре, наполненном ароматами спелых плодов и запахами брынзы, рыбы, специй. Вокруг

все гомонили и привычно торговались, здоровались с приятелями и перебрасывались незначительными фразами. Рядом со взрослыми бегали дети. И вдруг все замерло. Мише показалось, что он в огромном павильоне, где невидимый фотограф сказал всем этим людям: «Замрите, я снимаю!». Скрипучие фразы из репродуктора заставили всех замолкнуть и замереть. Только с последними словами люди стали твердить себе и окружающим: «Война! Война! Война!». Некоторые тут же брели к выходу, словно забыв, зачем сюда пришли. Бойкие торговцы перестали выкрикивать, зазывая покупателей и нахваливая свой товар. Новость одним махом прибила всех.

Беня с Яшей на следующий день пошли в военкомат. Там уже собралась огромная толпа. На порог вышел весь издерганный военный в сдвинутой на затылок фуражке и промокшей от пота гимнастерке. Он зычно гаркнул в толпу:

– Остаются только те, кто имеет опыт службы в армии. Остальные – по домам!

Яша еще потолкался среди добровольцев, поговорил с Беней и отправился к родителям сообщить новость. Беня в тот день своей очереди так и не дождался, но следующим утром ему вручили повестку, приказали быть готовым через двое суток для отправки на сборный пункт и отпустили домой. Вскоре стало ясно, что батальоны бессарабских добровольцев будут формировать в Одессе. Ясно было и то, что румыны уже готовы вместе с немцами опять прибрать к рукам этот край. Времени на раздумья не было. Дед принял решение за всех – срочно перебираться в Одессу, где есть родственники, и откуда, если что, можно двигаться дальше. Такое решение принял в те дни не только Мишин дед. Тысячи людей собирали скорбь и любыми способами переправлялись через Днестровский лиман...

5

Вся эта суета с подготовкой к отъезду прошла мимо Миши. Он проводил отца только до военкомата и вернулся с мамой домой. Приготовлениями руководил дед, а главным его помощником стал Яша. Начало июля было жарким. Мальчишки носились по городу, лазили по стенам древней крепости и по полдня проводили

на лимане. Плавали, иногда ловили рыбу. Выходить на лодках можно было только по специальным разрешениям, которых у пацанов, естественно, не было. Взрослым стало не до них. Но один за другим уезжали Мишины друзья. Город пустел с каждым днем. Отбыла и семья Рыбаков.

Не скажешь, что Миша никогда не выезжал за пределы Аккермана. Нет, бывало, брал его отец в свои деловые вылазки. Они важно катили на бричке в окрестные богатые села. Но до больших городов было далеко. Трудно даже передать, какой восторг вызвал у мальчика приезд в Одессу. Дед, который бывал здесь до революции, известил всех: «Приехали!». Хотя они были на окраине. Потом еще долго ехали до нужного места. Немножко сбились с пути, но еще дотемна добрались до дома, где жил двоюродный брат деда.

То был обычный одесский дом постройки прошлого века, сложенный из ракушняка в три этажа. По аккерманским меркам дом был огромным. Внутри двора были разбиты палисаднички с цветами и деревьями, лестницы-галереи опутаны побегами дикого винограда. Во дворе всегда было полно народа. Бегали с воплями дети. Женщины стирали белье возле массивной колонки с водой и громко между собой перекрикивались на смеси языков, включавших русско-украинский суржик, слова на идиш, на молдавском и болгарском. И все друг друга понимали.

Блюма первым делом бросилась в военкомат узнать о судьбе мужа. Ей коротко ответили: жив-здоров, проходит переподготовку. Вести с фронтов были менее приятными. Фашисты уже прошли Белоруссию и двигались дальше на восток. С юга враг шел вместе с румынами, которым была обещана вся территория под названием Транснистрия. Уже 28 июля 1941 года противник вошел в Аккерман. Срочный отъезд из города оказался правильным шагом.

За неделю до этого Мише исполнилось одиннадцать. Событие прошло настолько незамеченным, что сам парнишка вспомнил о нем только на следующий день. В Одессе была совсем другая жизнь. Да и вообще, в те месяцы жизнь стала совсем другой. На следующий день после дня рождения Миши город впервые бомбили. Главными целями стали порт, железная дорога, склады и промышленные объекты. По скупым сводкам с фронтов было понятно, что немцев остановить не удастся, и они стреми-

тельно движутся вглубь страны, разрушая города и села, уничтожая мирных людей.

Миша хоть и был пареньком озорным и непоседливым, но с началом войны словно вмиг повзрослел. Он беспокоился за отца, уже отправленного на передовую в составе стрелковых частей только что сформированной Приморской армии. Он искал повод пообщаться с дедом и хоть чем-то помочь маме. С Яшей виделся редко. Тот уходил рано утром и возвращался ближе к ночи. Валился с ног от усталости. Целый день Яша работал в порту. Его сила нашла применение. Миша полюбил бродить по городу. От Базарной и Александровского проспекта, в районе которых они обитали, было рукой подать до Греческой площади и Дерibasовской в одну сторону, до Привоза – в другую, а в третью – до большого парка над морем. Дней через десять парнишка отлично ориентировался Одессе, казавшейся ему огромной. При этом мама просила его не бегать на Молдаванку, о которой шла дурная слава, и не болтаться допоздна.

Не моя цель подробно описывать оборону Одессы 1941 года. Об этом сняты фильмы, написаны стихи, песни, мемуары и романы. В тех воспоминаниях немало противоречий. Как, впрочем, не может быть истины, единой для всех. Я в разные годы много общался с людьми, помнившими то время. Спрашивал о тех днях у отца и деда. Сложилась мозаика. Бенцион хоть и был в рядах оборонявших Одессу с первых же дней, но особо на эту тему говорить не любил. Да, он знал, что фашисты берут город в кольцо. Да, он отступал вместе с товарищами в первых числах августа на рубежи в районе Раздельной – Кучурганов. Конечно, замполит им объявил о том, что 8 августа Одесса на осадном положении и фашисты вышли к Днестровскому лиману. Дед помнил, что для поднятия духа им сообщили, что немцы сбросили десант, переодетый в форму красноармейцев в район Аджалыкского лимана, но вся группа была уничтожена. Бойцы знали, что население города помогает строить оборонительные рубежи, что предприятия пытаются выпускать продукцию военного назначения. А вот о том, что последний поезд на восток ушел 13 августа, в войсках разговора не было. Дело в том, что кольцо сжималось. Немцам удалось перекрыть железную дорогу и выйти к Черному морю восточнее оборонявшегося города. Единственным путем сообщения стал морской.

Кто был в Одессе летом, знает, какое в это время здесь изобилие любых продуктов. Все окрестные села стремились выгодно продать горожанам свой урожай. Тем летом было не так. Из прифронтовой полосы запросто не приедешь. Кое-что выращивали в пригородах. Но больше рассчитывали на складские запасы и на то, что подвозили морем. В конце лета ввели карточную систему. К примеру, работник оборонного предприятия стал получать 800 граммов хлеба в день, прочие работающие – по 500 граммов, члены семей – по 400. Еще было положено работающим по три килограмма крупы в месяц, по килограмму сахара и жира. Членам семей выдавали в разы меньше. В большой семье распределять дефицитные продукты было проще. Но возникали проблемы с водой и керосином. В ряде районов города воды не видели сутками. Приходилось таскать в ведрах, бидонах и прочих сосудах, а потом бережно расходовать.

Во дворах с утра жужжали примусы и керогазы. Эти приспособления были незаменимы. На них готовили еду, кипятили воду. Керосином пахло еще похлеще, чем жареной рыбой. В каждой квартире хранился б́утыль с этой ароматной жидкостью, плотно закупоренный пробкой или бумажной затычкой. В городе была целая сеть невзрачных будок, где отпускали керосин. Очереди к ним выстраивались километровой. Ожидание порой растягивалось на часы. Одна такая будка стояла вблизи Кировского сквера. В очереди к ней застряла порядком подуставшая Блюма, не получавшая в последние дни никаких весточек от мужа. Было начало сентября, но солнце палило по-летнему. Уже третий час Блюма вела житейские беседы с такими же, как она, измотанными и озабоченными женщинами. Сюда долетали обрывки слухов о фронтовых делах. Кто-то говорил, что наши скоро погонят немцев обратно. Кто-то якобы знал, что Одессе дадут серьезное подкрепление. Кто-то, напротив, слышал, что враг вот-вот зайдет в город. Обсуждали последние бомбежки и то, как можно уехать на восток. Говорили, что порт забит людьми и грузами, которые пока некуда грузить. Упоминали названия пароходов, пришедших из Крыма или ушедших в море. За такими разговорами коротали время и отвлекались от тяжелых мыслей. Ведь у многих в окопах на передовой находились мужья, братья, сыновья, отцы.

Сентябрь уже начался, но Миша в школу не пошел. Хотя власти велели начать учебный год и открыли большинство учебных заведений. Работали даже кинотеатры в центре города. Но Миша только что прибежал из дома, куда доставили сообщение из госпиталя. Мальчишка пулей метнулся к бесконечной очереди, нашел мать и закричал:

– Бежим быстрее! Папу ранили!

Блюма растерянно обернулась и тут же закрыла лицо руками. А сын уже тянул ее за руку. Она глянула на него, потом на очередь за керосином. Сказала:

– Я стою тут уже третий час, еще немного осталось...

Но Миша и слушать не хотел.

– Бежим в госпиталь! Ну его, этот керосин!

Блюма на всякий случай сказала, что, может, успеет вернуться, и пошла за сыном. Они двинули по Базарной в сторону моря. Отошли квартала на два, когда в небе появились самолеты со свастикой на крыльях. Рев моторов нарастал. Потом раздались характерные звуки рассекающего воздух металла. Бомбы. Куда от них спрячешься посреди улицы? Потом прозвучали взрывы. В том конце улицы, откуда они с мамой только что убежали, Миша увидел взметнувшееся вверх красно-черное пламя. Оно пожирало ветки деревьев и сильно воняло керосином. Бомба попала в лавку, возле которой стояла очередь усталых женщин...

Миша подумал: «Как хорошо, что мы с мамой остались живы!».

